

Э. С. СМЕРНОВА

Отражение литературных произведений о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи

Иконы, изображающие житие Бориса и Глеба, пользуются широкой известностью. Они неоднократно рассматривались в искусствоведческой литературе. Однако исследователи преимущественно занимались лишь художественными особенностями икон, оставляя в тени их сюжетную сторону. Только П. А. Гусев, издавший рисунки с одной из икон Бориса и Глеба XVI в., сделал попытку определить связь представленных в ней эпизодов с литературными памятниками.¹ Н. П. Лихачев² и Д. В. Айналов,³ издавая и исследуя миниатюры, украшающие лицевые списки «Сказания о Борисе и Глебе», привлекали памятники станковой живописи в качестве сравнительного материала.

Между тем представляется весьма важным специальное изучение иконографии этих памятников и выяснение того, какие именно литературные произведения лежат в их основе. Необходимо установить, насколько точно следуют изобразительные памятники за литературными и чем обусловлены отступления икон от литературной основы.⁴ Преследуя указанные цели, данная работа не ставит своей задачей сопоставление художественных образов литературных произведений и памятников живописи.

* *
*

Политические события огромной важности, связанные с историей канонизации Бориса и Глеба, нашли широкое отражение не только в литературе, но и в искусстве. На месте погребения князей еще в XI в. был создан ряд сменявших друг друга мемориальных построек.⁵ Не подлежит

¹ П. А. Гусев. Новгородская икона святых Бориса и Глеба в деяниях. — Вестник истории и археологии, т. X. СПб., 1898 (отд. оттиск: СПб., 1898).

² Н. П. Лихачев. Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба по рукописи конца XV столетия. СПб., 1907.

³ Д. В. Айналов. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. Миниатюры Сказания о свв. Борисе и Глебе Сильвестровского сборника. — ИОРЯС, т. XV, 1910, кн. 3, стр. 1—128, рис. 1—41.

⁴ О литературных произведениях, посвященных Борису и Глебу, см.: Памятники древнерусской литературы, в. 2. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Приготовил к печати Д. И. Абрамович. Пгр., 1916 (далее: Д. И. Абрамович); Н. Н. Воронин. Анонимное сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор. ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 11—56; Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года и ее источник. (Опыт анализа). М., 1957; Ludolf Müller. Studien zur altrussischen Legende der heiligen Boris und Gleb. — Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. XXV, Heft 2, 1956, стр. 329—363.

⁵ М. К. Каргер. К истории киевского зодчества XI в. Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде. — Советская археология, т. XVI. М., 1952, стр. 77—99.

сомнению наличие в этих зданиях икон с изображениями Бориса и Глеба. Древнейшее известие об этих иконах содержится в «Чтении о Борисе и Глебе» Нестора, рассказывающего, что при сооружении величественного пятиглавого храма в Вышгороде князь Ярослав «повеле... и на иконе святою написати, да входяще вернии людии в церковь ти видяще ею образ написан».⁶ Датой постройки храма и, следовательно, написания иконы считают 1020 или 1026 г.⁷ К XII в. относится упоминание о житийной иконе Бориса и Глеба в Вышгородском храме.⁸ Как отмечали исследователи, житийные иконы должны были находиться, помимо Вышгорода, и в иных многочисленных, возникших в разных местах церквях, посвященных Борису и Глебу.⁹

Однако житийных икон Бориса и Глеба домонгольского периода не сохранилось. Наиболее древним изображением «деяний» Бориса и Глеба в станковой живописи является икона XIV в., происходящая из церкви Бориса и Глеба, «что в Запрудах», в Коломне, отнесенная исследователями к раннемосковскому искусству.¹⁰ В средней части иконы представлены Борис и Глеб в рост, в княжеских одеждах, с атрибутами князей и мучеников — мечами и крестами (рис. 1). На полях размещены шестнадцать клейм с изображением истории их убийства и наказания «окаянного» Святополка.

Сюжеты клейм иконы не могут быть объяснены каким-либо одним известным нам литературным произведением. Это роднит ее с миниатюрами XIV в. «Сказания о Борисе и Глебе» в Сильвестровском сборнике. Миниатюры, как доказал Д. В. Айналов, сопровождают текст XIV в., но копируют иллюстрации XII в. к древнему, ныне утраченному житию Бориса и Глеба и лишь приурочены к «Сказанию».¹¹ Поэтому многие особенности миниатюр объясняются не текстом «Сказания», а статьями Повести временных лет, «Чтением» Нестора, Проложным житием, входившим еще в Киевский Начальный свод.¹²

В первой сцене изображено, как князь Владимир посылает Бориса против печенегов. Сидящий на престоле Владимир передает Борису меч. Об отправке Бориса в поход рассказывают и статья «О убиении Борисове» ПВЛ под 1015 г., и «Сказание», и «Чтение» Нестора. Отсутствие воинов свидетельствует о близости изображения к летописному рассказу, умалчивающему о «множестве вои» у Бориса в отличие от других памятников. Соответствующая миниатюра Сильвестровского сборника, по «Сказанию», изображает войско Бориса.

Отличие иконной композиции также и в том, что здесь уже показан прославленный меч Бориса, вручаемый ему Владимиром. Как считает Д. В. Айналов, в период создания оригинала, с которого скопированы

⁶ Д. И. Абрамович, стр. 18.

⁷ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 58, прим. 1; М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. СПб., 1913, стр. 71—72.

⁸ Х. М. Лопарев. Слово похвальное на перенесение мощей святых Бориса и Глеба. — ПДП, ХСVIII. [СПб.], 1894, стр. 17, 28.

⁹ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 77—87; Д. В. Айналов. Очерки и заметки..., стр. 14—16.

¹⁰ Хранится в Гос. Третьяковской галерее, № 08432 (28757). Размер: 134 × 89 см. Икона раскрыта в 1937 г. См.: В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура великокняжеской Москвы. — В кн.: История русского искусства, т. III. Изд. АН СССР, М., стр. 74, 76, рисунок на стр. 79; Н. Е. Демина. Черты героической действительности XIV—XV вв. в образах людей Андрея Рублева и его круга. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 311—324.

¹¹ Д. В. Айналов. Очерки и заметки..., стр. 1—128.

¹² А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 41—44.

миниатюры Сильвестровского сборника, еще не установилось почитание этой родовой княжеской святыни.¹³ Этот культ сложился рано. Уже в 1175 г. летописец говорит о мече как о реликвии, принадлежавшей Андрею Боголюбскому. Услышав приближение убийц, князь «въскочи, хоте взяти мечь, и не бе ту меча, бе бо том дни вынял ѿ Амбал, ключник его; то бо меч бяшетъ святого Бориса».¹⁴ Таким образом, композиция иконного клейма, хотя и более поздняя, могла появиться уже в XII в.

Во второй сцене показано «потаение» тела Владимира. На фоне двух палат и храма два отрока, одетые в короткие рубахи слуг, несут тело Владимира в белом саване, на ковре, который они держат за концы. Имеется полустертая надпись «С[в]я[т]о[п]лак [потаи] с[мерть о]т[ца сво]его».

Эта сцена обнаруживает большое сходство со второй миниатюрой «Сказания» в Сильвестровском сборнике, где представлен тот же эпизод. Надпись на иконе, как и на миниатюре, является отрывком из «Сказания», где вестник сообщает Борису, возвращающемуся из похода, о смерти отца: «... како преставися отецъ его Василий... и како Святопѣлак потаи сѣмьрть отца своего, и ночь проймав помост на Берестовемъ и в коврѣ обьретьвѣше, съвесивѣше ужи на землю, везѣше на саньх, поставиша ѿ в церкви святыя Богородица».¹⁵ Но, как и в сильвестровской миниатюре, на иконе не изображен Святополк, и поэтому вся композиция согласуется не с текстом «Сказания», а с текстом летописи, где подчеркивается отсутствие Святополка в Берестове в момент смерти Владимира и «потаения» его тела. По летописи, Владимир «умре... на Берестовем, и потаиша ѿ, бе бо Святополк Кыеве».¹⁶

Это обстоятельство вряд ли можно объяснить творчеством самого иконописца, скомбинировавшего в одном клейме версии двух литературных произведений. Вероятнее всего, что иконное клеймо восходит к миниатюре иллюстрированного списка «Сказания», очень близкого к лицевому «Сказанию» в Сильвестровском сборнике. Как и сильвестровские миниатюры, изображения в этой рукописи, видимо, были иллюстрациями какого-то древнего жития Бориса и Глеба, но затем были приноровлены к «Сказанию» и поэтому снабжены надписями-цитатами из «Сказания». Только так можно объяснить появление надписи из «Сказания» в композиции, не соответствующей этому тексту.

Зависимость иконного клейма непосредственно от сильвестровской миниатюры нельзя допустить. При всей его близости к миниатюре (симметрично расположенные здания, два отрока, держащие тело Владимира), здесь отмечено опущенное в сильвестровской миниатюре обстоятельство: тело Владимира держат на ковре. В то же время в иконе опущены некоторые детали, подсказываемые текстом летописи и изображенные миниатюристом: сани, куда кладут тело Владимира, помост, где стоят отроки.

Следует отметить, что изображение ковра, на котором лежит тело Владимира, не встречается ни в одной из иллюстраций к этой сцене. Все они показывают тело Владимира, в соответствии с известными нам текстами «Сказания» и летописи, обернутым в ковер или, точнее, в белый саван. Между тем некоторые эпизоды летописей позволяют предположить особое символическое значение, придаваемое в древности положению на ковер при некоторых церемониях и обрядах. Владимир Мономах указал явившемуся

¹³ Д. В. Айналов. Очерки и заметки... стр. 20.

¹⁴ ПСРА, т. II. СПб., 1843, стр. 113.

¹⁵ Д. И. Абрамович, стр. 29.

¹⁶ Повесть временных лет, ч. 1. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Под редакцией чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 89.

на съезд князей в Уветичах Давиду Игоревичу как на почесть, уравнивавшую Давида с остальными участниками съезда, на то, что Давид сидит «с братьею своею на одном ковре».¹⁷ Особый смысл вкладывался в положение на ковер при обрядах, связанных со смертью или раной. Описывая исход борьбы Олега и Ярополка Святославичей в 977 г., летопись рассказывает, как тело убитого Олега положили на ковре, «и приде Ярополк, над нем плакася».¹⁸ Люди, посланные для ослепления Василька, «почаста простирати ковер, и простерша яста Василька, и хотяща и поврещи».¹⁹ Практически ковер в данном случае был ненужен и, по-видимому, имел символическое значение. Наконец, тело Андрея Боголюбского клирошане «вземше... на ковре... внесоша ѥ в божицю».²⁰ Вероятно, именно такое несение тела на ковре изображено на коломенской иконе.

В третьем клейме изображено возвращение Бориса из похода. Борис представлен на белом коне во главе войска. Надпись: «Бори[с] възратися не обрете супостат». Об этом эпизоде рассказывают и «Сказание», и «Чтение», и летопись. Но расположение этой сцены на иконе после сцены «потаения» тела Владимира свидетельствует о следовании версии летописи, так как и в «Сказании», и в «Чтении» порядок рассказа иной: возвращающегося Бориса встречает вестник, от которого князь узнает о смерти отца и связанных с этим событиях.

Однако вновь, как и в предыдущем клейме, надпись в этой сцене является почти прямой цитатой из «Сказания», где говорится о Борисе: «Отшедшу же ему и не обрете супостат своих, възратившюся възпятъ ему».²¹ Это обстоятельство можно объяснить, как и при рассмотрении предшествующей сцены, только зависимостью иконописца от иллюстрированного «Сказания», миниатюры которого восходили к иному тексту, близкому в данном случае к тексту летописи.

Четвертая сцена — молитва Бориса в шатре. Все сцены, происходящие в шатре, изображены на иконе на фоне шатра. В центре стоит Борис, молитвенно воздевший руки. В отличие от предшествующих клейм, он уже без шубы, в синей исподи (на груди видны застежки), в шапке. За ним — отрок в длинной, красной одежде, видимо Георгий-угрин, о котором подробно рассказывают «Сказание» и летопись. Наличие этого персонажа исключает связь изображения с «Чтением» Нестора, которое лишь мельком упоминает о слуге, убитом вместе с Борисом.

Анализируя аналогичное изображение в Сильвестровском списке «Сказания», отличающееся лишь по композиции, Д. В. Айналов отметил в нем отступление от текста «Сказания» и близость к летописному рассказу.²² «Сказание» намекает на наличие «прозвутера», которому Борис вечером «повеле пети вечернюю», а утром начать «заутрнюю».²³ Летопись же о присутствии священника умалчивает. Не изображен он и на иконе.

Эта сцена расположена на иконе до изображения сна Бориса, т. е. так, как будто в ней представлена не утренняя, а вечерняя молитва, опускаемая летописью, но описанная в «Сказании». Не свидетельствует ли также и это обстоятельство в пользу намеренного приспособления к ситуации

¹⁷ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 181.

¹⁸ Там же, стр. 53.

¹⁹ Там же, стр. 173.

²⁰ ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, стр. 157.

²¹ Д. И. Абрамович, стр. 28—29.

²² Д. В. Айналов. Очерки и заметки..., стр. 56—59.

²³ Д. И. Абрамович, стр. 33.

«Сказания» этих изображений, в основе которых лежал иной, более близкий к летописи текст?

В следующей, пятой сцене (на правом поле, второе клеймо сверху) показан сон Бориса. На фоне шатра на ложе представлен спящий Борис. К нему склоняется отрок, полузакрытый пологом шатра. У изголовья — зверь, напоминающий волка. С образом волка в древней Руси связывалось представление о близости смерти. О зловещем волчьем вое рассказывает ПВЛ под 1097 г.: «И встав, Боняк отъеха от вой, и поча выти волчьскы, и волк отвыся ему, и начаша волци выти мнози».²⁴ В «Слове о полку Игореве» «вльци грозу всърожат по яругам», предвещая поражение Игоря.²⁵ В «Сказании о Мамаевом побоище» говорится, как в ожидании сражения «за многие же дни приидоша на то место мнози волцы, по вся нощи воют непрестанно... ждучи дни грозного, богом изволенного, в он же имать пастися множества трупа человеческого».²⁶ Возможно, что фигура волка на серебряной оковке турьего рога X в. из кургана «Черная могила» в Чернигове имеет тот же символический смысл, намекая на близкую гибель одного из героев изображенной там легенды.²⁷

Рассказ о вешем сне Бориса имеется лишь в «Сказании». После вечерни Борис «леже съпати. И бяше сънь его в мьнозе мысли и в печали, крепьце и тяжьце и страшне, како предатися на страсть, како пострадати и течение съконьчати».²⁸ Надпись на иконе «Борись видить сон о смерти своей» сокращает и делает более конкретными эти слова.

Шестая сцена — убийство Бориса (на левом поле, второе клеймо сверху). К лежащему на земле Борису припал Георгий. Двое воинов-убийц поражают их: один копьем пронзает Бориса, другой мечом отсекает голову Георгия. Надпись: «Убиша Бориса по[том Гео]ргию [отсе]коша гла[ву]».

Убийство Бориса по-разному описано в литературных памятниках. «Сказание», упомянув о получении им раны в шатре, сообщает, что Борис «искочи из шатра в оторопе» и, помолвившись, «успе».²⁹ Далее следует эпизод, являющийся более поздней вставкой,³⁰ повествующий о том, как Борис, которого везли «на колах» в Вышгород, оказался живым и как посланные Святополком варяги его убили. Летопись рассказывает о получении Борисом раны в шатре, а затем, как и «Сказание», об убийстве его по дороге в Вышгород. Эпизод выбегания из шатра опущен. По «Чтению» Нестора, Борис получает рану в шатре, выбегает, и «един от губитель» убивает его. Связь иконной композиции с «Чтением» следует отвергнуть ввиду умолчания «Чтения» о Георгии, занимающем в этой сцене, как и в предшествующих, значительное место.

Заслуживает внимания, что на иконе представлена не смерть Бориса, как она изложена в дошедших до нас версиях летописи и «Сказания» (убийство в колеснице), а лишь получение им раны в шатре. Отсутствие на иконе изображения смерти Бориса было бы странным. Объяснить это можно лишь тем, что икона следует тому древнейшему тексту, где еще не

²⁴ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 179.

²⁵ Слово о полку Игореве. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 13.

²⁶ Русский исторический сборник, т. III, кн. 1. М., 1838, стр. 39—40.

²⁷ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. — Материалы и исследования по археологии СССР, т. 11. М.—Л., 1949, стр. 50, рис. 20. Связь иконного клейма с народной поэзией отметил еще М. В. Алпатов, считавший, что метафорой смерти здесь служит «черный зверь» (см.: М. В. Алпатов. Всеобщая история искусств, т. III. М., 1955, стр. 130).

²⁸ Д. И. Абрамович, стр. 33.

²⁹ Там же, стр. 35—37.

³⁰ А. А. Шамагов. Разыскания... стр. 74—76.

было вставки об убийстве Бориса в колеснице. Все остальные житийные иконы и лицевые рукописи, в том числе даже Сильвестровский сборник, содержат это изображение убийства Бориса в дороге.

Ввиду того что в иконе отсутствует описываемый «Сказанием» эпизод, по которому раненый Борис выбегает из шатра, молится и умирает, можно предположить, что икона следует версии летописи, где этого эпизода также нет.

После изображения погребения Бориса в Вышгороде, данного в условных, традиционных иконных формах, икона обращается к истории убийства Глеба. Эти эпизоды представлены значительно короче.

В восьмом клейме иконы (на левом поле, четвертое клеймо сверху) изображена река, берег которой обозначен горкой; на реке — два сблизившихся насада. В левом — воины, посланные Святополком, один из которых выделен красным шлемом. Видимо, это Гюрясер. Три воина перескочили в насад Глеба. Один из них, держа Глеба за шею, пронзает ему мечом горло. На носу и корме насада Глеба сидят два отрока с поникшими головами.

Эта композиция не может быть объяснена каким-либо одним известным литературным памятником. Глеб изображен в насаде без воинов, лишь с отроками. О том, что воины были отпущены Глебом, рассказывает лишь «Чтение» Нестора.³¹ Только в «Чтении» указывается также, что у Глеба было перерезано горло. Убийца «изволок нож свой и ят святого Глеба за честную главу, хотя и заклати», а затем «пререза гортань его»³² «Сказание» же и летопись отмечают лишь, что убийца «закла»³³ Глеба или «вынез ножь, зареза Глеба».³⁴

Однако в «Чтении» нет указания на то, что убийцы перебрались в насад Глеба, а лишь упомянуто, что «нечестивии приближишася и, имше корабль ключи, и привлекоша к себе».³⁵ Еще короче рассказывает летопись: «И ту абье послании яша корабль Глебов, и обнажиша оружие».³⁶ И лишь «Сказание» говорит об этом обстоятельстве: «И яко быша равню пловуща, начаша скакати зълии они в лодию его, обнажены меча имуще в руках своих, бльщащася акы вода».³⁷

Наконец, все тексты указывают, что Глеб был убит своим поваром. На иконе же в качестве убийцы изображен воин. Можно предположить, что автор композиции имел в виду текст, где не говорилось о поваре.

Надпись к этой сцене: «Приде Глеб в насаде... сretoша его воины Святополка и уби...», близка к тексту «Сказания». Только там говорится о встрече Глеба убийцами.³⁸ Между тем «Чтение» описывает, как посланцы Святополка «гнаша по святем Глебе».³⁹ Летопись же сообщает неопределенно о том, как «внезапу придоша послании от Святополка».⁴⁰ Эта особенность надписи, при наличии существенных отступлений композиции от версии «Сказания», вновь свидетельствует о том, что протооригинал данного изображения сделан по иной литературной основе и что оно лишь приспособлено к тексту «Сказания».

³¹ Д. И. Абрамович, стр. 12.

³² Там же, стр. 13.

³³ Там же, стр. 42.

³⁴ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 93.

³⁵ Д. И. Абрамович, стр. 13.

³⁶ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 94.

³⁷ Д. И. Абрамович, стр. 40.

³⁸ Там же, стр. 40.

³⁹ Там же, стр. 12.

⁴⁰ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 93.

Истории Глеба посвящена и следующая сцена (на правом поле, третье клеймо сверху), изображающая могилу Глеба «между двема колодома». О таком погребении Глеба говорят и «Чтение», и «Сказание», и летопись. Но лишь в «Сказании» и в Н1Л рассказывается о чудесах у могилы Глеба, показанных в иконе: «... овогда видеша столп огнен, овогда же свеща горяща; и паки пеня агельская слышаху же мимоходяще гостие».⁴¹

Представленное далее «пренесение мощем святомуученика Христова Бориса и Глеба» изображено схематично. Архитектура передана условно и не объясняет, какое именно перенесение здесь показано.

Следующие три сцены явно по ошибке помещены здесь художником и, по логике рассказа, должны были занять иное место. В одной из них на фоне шатра изображен сидящий Борис. Перед ним в печальной позе стоит Георгий. Надпись утрачена. Сцена является иллюстрацией к эпизоду, намеченному летописным рассказом и развитому «Сказанием». Остановившемуся на Лыте Борису воины предложили захватить киевский престол. После отказа Бориса «вои разидошася от него, а сам оста тькъмо с отрокуы своими, и бяше в днь суботный в тузе и печали, удручьнъм сьрдцьмь. И вьлез в шатър свой, плакашеся ськрушенъм сьрдцьмь».⁴² Вместо многочисленных отроков изображен один Георгий. Эта сцена должна была находиться перед изображением вечерней молитвы Бориса, которая, по «Сказанию», следует за рассматриваемым эпизодом.

В соседней сцене изображен сидящий на престоле Святополк; перед ним бородатый муж и группа отроков. Святополк передает мужу красную шубу с длинными рукавами и черным оплечьем. Надпись: «Святополк призва [ки]я[ны] нем... [од]ари и...». Надпись близка к словам «Сказание», где говорится о деятельности Святополка после захвата им киевского престола: «Святополк же, седе в Кыеве по отци, и призва кыяны, одарив, отпусти».⁴³ Текст летописи не столь сходен с надписью, в «Чтении» об этом эпизоде вовсе не упоминается. Эта сцена должна была бы находиться в числе начальных.

Обычай раздачи дорогих одежд в виде подарков неоднократно отмечен в литературных памятниках. Летопись рассказывает, как после убийства третьего брата, Святослава, Святополк, «созвав люди, нача даяти овем корзна, а другим кунами, и раздая множество».⁴⁴ Владимир Мономах вспоминает в своем «Поучении» о заключенных им мирах с половецкими князьями и о том, что при этом было дано «скота много и многы порты».⁴⁵

Изображения на нижнем поле иконы открываются сценой отослания Святополком убийц к Борису. Перед сидящим на престоле Святополком — группа убийц, закутанных в плащи. Надпись: «Святополк [п]ризва вышгородичей веле убити Бор[и]са». О посылке убийц рассказывается во всех литературных памятниках, но «Чтение» Нестора называет убийц не вышгородцами, а более неопределенно — «мужами неистовыми».⁴⁶ Эта сцена, как и две ранее рассмотренные, должна была находиться на иконе в числе начальных клейм.

Чем можно объяснить отступающее от всех текстов расположение трех последних сцен? Вряд ли причиной этого явился сознательный замысел художника. Если и можно допустить, что, перемещая сцены раздачи

⁴¹ Д. И. Абрамович, стр. 43—44; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 174.

⁴² Д. И. Абрамович, стр. 33.

⁴³ Д. И. Абрамович, стр. 31—32. Текст Сказания по Уваровскому списку XV в.

⁴⁴ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 95.

⁴⁵ Там же, стр. 162.

⁴⁶ Д. И. Абрамович, стр. 9.

даров и посылки убийц, автор иконы хотел собрать воедино все эпизоды, связанные со Святополком, то перемещение сцены с Борисом и Георгием в шатре окончательно нарушает логику изложения.

Не является ли это перемещение признаком использования художником лицевой рукописи с перепутанными листами? Если этот иллюстрированный текст следовал в данном отрывке изложению «Сказания», то именно эти три перемещенных эпизода должны были находиться рядом. За сценами, данными в трех первых клеймах иконы, следовали бы раздача даров Святополком, посылка убийц к Борису, Борис и Георгий в шатре. После этого совершенно закономерно изображалась бы молитва Бориса в шатре.

В пользу такого предположения говорит и абсолютная идентичность изображений шатра и горки во всех сценах, где действие происходит в шатре. Это было бы понятно в находящихся рядом и созданных друг за другом миниатюрах.

Об этом же говорят и особенности костюма Бориса. В сцене отправления против печенегов Борис представлен в шубе и исподи. В сцене молитвы в шатре, сна и убийства Борис уже без шубы, только в исподи. В сцене же с Георгием в шатре Борис еще в шубе, что может быть объяснено первоначальным расположением этой сцены после похода, но до молитвы в шатре, когда Борис эту шубу уже снял.

В трех заключительных сценах иконы изображена история борьбы Ярослава со Святополком и гибели Святополка. Эти изображения соответствуют «Сказанию» или летописи. «Чтение» же излагает эти события чрезвычайно суммарно.

Рассматриваемая икона близка к миниатюрам Сильвестровского сборника тем, что обе серии изображений, видимо, восходят к иллюстрациям древних, не дошедших до нас текстов. По мнению Д. В. Айналова, исследовавшего сильвестровские миниатюры, эти древние иллюстрации могли возникнуть уже в начале XII в.⁴⁷ Как уже отмечалось при разборе первых сцен, иллюстрации древнего текста не были непосредственно скопированы иконописцем. Видимо, существовало промежуточное звено в виде лицевого списка «Сказания», повторившего, подобно Сильвестровскому списку, древние миниатюры, но снабдившего их надписями, текстуально близкими к «Сказанию». Иначе нельзя объяснить появление таких надписей на иконных клеймах, композиции которых существенно отступают от изложения «Сказания».

Сильвестровские миниатюры и клейма иконы различны по составу изображений. Так, например, в Сильвестровском сборнике отсутствует в иконе изображение убийства Бориса в дороге. В качестве убийцы Глеба в иконе представлен воин, а в сильвестровской миниатюре — повар. В иконе изображен меч Бориса, вручаемый ему Владимиром; этого меча нет в миниатюре. Все это свидетельствует о различиях в текстах, легших в основу этих серий.

Следует отметить, что существуют факты тесной взаимосвязи древних лицевых рукописей и житийных икон Бориса и Глеба. Еще Н. П. Лихачев указал на две прориси из своего собрания, буквально повторяющие соответствующие композиции сильвестровских миниатюр.⁴⁸ Большой размер прорисей заставляет считать их сделанными не с рукописи, а с монументальной иконы. Сильвестровские композиции повторены не только в иконе,

⁴⁷ Д. В. Айналов. Очерки и заметки... стр. 17.

⁴⁸ Н. П. Лихачев. Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба..., стр. 14 и 16.

но и в миниатюрах Уваровского списка «Сказания» XVI в.⁴⁹ Изображения, близкие к коломенской иконе, неизвестны. Это говорит о большей популярности сильвестровского «извода».

Изображенные на иконе детали вооружения — ромбовидные копья, треугольные щиты, шлемы с бармицами — могут относиться как к XIV, так и к XII в. Деталь конской упряжи — два ремешка, свисающие с пахв, — имеется в рельефах 1197 г. Дмитриевского собора во Владимире.⁵⁰ Но такой же мотив встречается и в памятниках XIV в. — на иконе «Георгий в житии» (Гос. Русский музей), в миниатюрах Сильвестровского сборника,⁵¹ а также во многих миниатюрах Кенигсбергской летописи (например, лл. 67, 172 об.). Вместе с тем мечи, представленные в средней части иконы, — с бочковидной рукоятью, круглым набадлашником, прогибающейся в центре крестовиной — датируются концом XIII—XIV в. Они хорошо известны на Западе.⁵²

Среди одежд, большей частью показанных весьма реально (круглые княжеские шапки, длинные одежды князей с застежками на груди и тонкими наборными поясками, короткие рубахи отроков-слуг), особый интерес представляют княжеские шубы, изображенные в клеймах (в среднике Борис и Глеб представлены в плащах). Шубы накинута на плечи и застегнута у ворота. Длинные рукава свободно свисают. Шубы подбиты мехом, что хорошо видно в первом клейме (одежда Бориса). Такую же шубу жалует Святополк киевлянам (двенадцатое клеймо). Употребление шуб в качестве парадной княжеской одежды в XII—XIII вв. весьма вероятно. Ипатьевская летопись под 1252 г. описывает «кожюх... оловира грецького круживы златыми плоскыми ошит», принадлежавший князю Даниилу Галицкому.⁵³ Однако их изображения в искусстве этого периода неизвестны. В Сильвестровском сборнике показаны еще корзна, и лишь среди миниатюр Кенигсбергской летописи встречаются подобные одежды (лл. 196 об., 200).⁵⁴

Присутствие в иконе «реалий» XIV в. не противоречит выводу о связи иконы с древними миниатюрами. При копировании иконописец мог заметить архаические детали новыми, современными ему. Аналогичное явление наблюдается в сильвестровских миниатюрах, включающих детали XIV в.,⁵⁵ хотя копирование этими иллюстрациями прототипа XII в. неоспоримо доказано Д. В. Айналовым.

Зависимость коломенской иконы от древних миниатюр, восходящих к какому-то еще более раннему прототипу, приобретает особый смысл при сопоставлении с иными особенностями культуры ранней Москвы, например, с фактами тесной связи ее архитектуры (в частности, коломенских памятников XIV в.) с владими́ро-суздальским зодчеством.⁵⁶ Анализ сю-

⁴⁹ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 157—176.

⁵⁰ Э. А. Рикман. Изображение бытовых предметов на рельефах Дмитриевского собора во Владимире. — КСИИМК, в. XLVII. М., 1952, рис. 7, 2.

⁵¹ Д. В. Айналов. Очерки и заметки..., рис. 12.

⁵² Ada Bruhn Hoffmeyer. Middelalderens tuæggede sværd, II. København, 1954, pl. XI, b; pl. XIII, f; pl. XV, c.

⁵³ ПСРА, т. II, стр. 187; А. В. Арциховский. Одежда. — История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, стр. 259.

⁵⁴ В. И. Сизов. Миниатюры Кенигсбергской летописи (археологический этюд). — ИОРЯС, т. X, 1905, кн. 1, стр. 28.

⁵⁵ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник, стр. 173—174.

⁵⁶ Н. Н. Воронин. К характеристике архитектурных памятников Коломны времени Дмитрия Донского. — Материалы и исследования по археологии СССР, т. 12. М.—Л., 1949, стр. 234—236.

жетов коломенской иконы позволяет предположить наличие близких связей раннемосковской культуры с домонгольской также и в области живописи.

* *
*

Следующая по времени группа икон, изображающих историю Бориса и Глеба, относится к XVI в. Наиболее ранней из них является икона Гос. Третьяковской галереи первой четверти XVI в. «Владимир, Борис и Глеб в житии». ⁵⁷ Несмотря на наличие фигуры Владимира в среднике, изображения на полях посвящены лишь житию Бориса и Глеба. Первые десять сцен излагают историю гибели Бориса и Глеба. Здесь изображены: 1) отправление Бориса в поход против печенегов; 2) смерть Владимира; 3) раздача Святополком даров «кыянам»; 4) молитва Бориса в шатре; 5) получение Борисом раны в шатре; 6) убийство Бориса в дороге; 7) приход вестника к Глебу; 8) под Глебом «потчеся конь»; 9) убийство Глеба; 10) погребение Глеба «межу двема колодама». Две крайние сцены на нижнем поле посвящены истории наказания Святополка. Здесь изображены битва Ярослава со Святополком и гибель Святополка, проваливающегося в пропасть.

Порядок расположения этих сцен отвечает как рассказу летописной статьи, так и изложению «Сказания». Некоторые композиции свидетельствуют о несомненном использовании в иконе «Сказания». Так, при изображении молитвы Бориса в шатре представлены и отрок Георгий, и «прозвутер», и приблизившиеся к шатру убийцы. ⁵⁸

Однако, показывая убийство Бориса в колеснице одним варягом, художник явно следует версии летописного рассказа: узнав, что Борис «еще дышет», Святополк «посла два варяга прикончат его. Онема же пришедшема и видевшема яко и еще жив есть, един ею извлек мечь, пронзе и к сердцю». ⁵⁹ «Сказание» же говорит о двух убийцах: «Святоплък посла два варяга, и прободоста и мечьмь в срьдьце». ⁶⁰

Три клейма иконы посвящены изображению «чудес» Бориса и Глеба. В них князья представлены как могущественные целители, защитники от болезней. Одно из этих клейм, на нижнем поле, иллюстрирует одновременно несколько эпизодов «Сказания» или «Чтения», показывая исцеление больных у гробов Бориса и Глеба. Другое, на правом поле, изображает явление Бориса и Глеба больному старцу-«мниху» Мартину, бывшему когда-то поваром туровских епископов, в монастыре Бориса и Глеба на Оболони. Рассказ об этом чуде сохранился в составе Пролога 1406 г., ⁶¹ а позднее вошел в Четвь-Минеи Макария под 2 мая вместе с «Чтением» Нестора. «Иаким», упомянутый в рассказе, был туровским епископом в середине XII в. ⁶²

Среднее клеймо нижнего поля изображает, как «Мстислава черниговского принесоша ко гробу святых Бориса и Глеба и прием исцеление от них». Летописи сообщают о чудесном исцелении новгородского (а не черниговского) князя Мстислава в церкви Бориса и Глеба на Смядыни под

⁵⁷ А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. [Б. м.], 1937, стр. 265—267, рис. 188. Н. Е. Мневa. Московская живопись XVI века. — В кн.: История русского искусства, т. III. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 565, 570—572.

⁵⁸ Д. И. Абрамович, стр. 33—34.

⁵⁹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 91.

⁶⁰ Д. И. Абрамович, стр. 37.

⁶¹ Там же, стр. 199.

⁶² П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей российских церкви. СПб., 1877, стр. 1046.

Смоленском. Мстислав и Ярополк Ростиславичи были ослеплены во Владимире в 1177 г. «Ведома же има слепома и гньющема очима, и яко доидоста Смольньска и придоста на Смядино в церковь святую мученику Бориса и Глеба и ту абие съпостиже я божия благодать... и ту прозреста».⁶³ Следует отметить несколько особенностей иконного клейма, противоречащих этому рассказу. Изображен не приход князя к церкви, а его принесение на носилках. Надпись говорит о Мстиславе Черниговском, а не Новгородском, и упоминает об исцелении «у гроба», в то время как мощи Бориса и Глеба были перенесены на Смядынь лишь в 1191 г.⁶⁴ Если эти противоречия нельзя объяснить простым искажением, то остается предположить, что икона изображает иной, неизвестный нам эпизод.

В двух других житийных иконах Бориса и Глеба XVI в.⁶⁵ также совмещены эпизоды, описанные в различных известных нам литературных памятниках. Одна из этих икон связана в основном со «Сказанием».⁶⁶ Так, например, в сцене отправления Бориса против печенегов изображаются воины (о которых умалчивает летописная статья), а в надписи упоминаются печенеги, названные в «Чтении» Нестора просто «ратными».

К «Сказанию» же восходит изображение похорон Владимира после рассказа вестника. Надпись в ряде сцен близки к тексту «Сказания». Так, надпись к изображению похода Бориса против печенегов: «Святой Борис боста и[де] прот[ив] печенегов». В «Сказании» же: «Он же, с радостию въстав, иде...».⁶⁷ Плач Бориса по отце пояснен в иконе словами: «Святой Борис разливашеся слезами и плакаше горко о смерти отца своего». «Сказание» же говорит, что Борис «начат тельм утърпывати, и лице его въсе слъз испълняся, и слъзами разливаяся...»⁶⁸

В то же время изображение убийства Бориса противоречит версии «Сказания». В сцене в шатре Борис представлен лежащим «на одре» (чего не отмечает «Сказание», но на чем настаивают «Чтение»⁶⁹ и летопись⁷⁰). Следующая сцена изображает, как Борис «второпе выскочи из шатра своего и, воздев руки, нача молит ѿ. Един от губитель притек удари его в сердце». Приведенная надпись иконы, как и композиция клейма, заставляет возвести эту сцену к «Чтению» Нестора.⁷¹

Вторая новгородская икона, созданная в Новгороде в 1545 г. «повелением раба божия Никифора»,⁷² была сильно переписана и покрыта окладом в XIX в. Она содержит эпизоды, общие для «Сказания» и летописи. Надписи в некоторых сценах близки к тексту «Сказания».⁷³ Между тем

⁶³ Новгородская первая летопись..., стр. 35.

⁶⁴ Н. К. Никольский. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. — ИОРЯС, т. 82. СПб., 1907, стр. 114—115; Д. Айналлов. Судьба киевского художественного наследия. — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, т. XII. Пгр., 1918, стр. 36—37.

⁶⁵ Происходили из церкви Бориса и Глеба «в Плотниках» в Новгороде. Погибли в Новгороде во время Великой Отечественной войны.

⁶⁶ Прориси с нее изданы в работе П. А. Гусева «Новгородская икона святых Бориса и Глеба в деяниях».

⁶⁷ Д. И. Абрамович, стр. 28.

⁶⁸ Там же, стр. 29.

⁶⁹ Там же, стр. 11.

⁷⁰ Лавр лет. под 1015 г.

⁷¹ Д. И. Абрамович, стр. 11. Зависимость этой сцены от «Чтения» отметили еще П. А. Гусев (Новгородская икона святых Бориса и Глеба в деяниях, стр. 10) и Д. В. Айналлов (Очерки и заметки..., стр. 67—68).

⁷² Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, т. II. М., 1860, стр. 81. Икона упоминается П. А. Гусевым в указанной работе.

⁷³ Речь идет о поздних надписях. Древние надписи скрыты под слоями позднейшей живописи.

изображенное в иконе убийство Святополком третьего брата, Святослава, в «Сказании» отсутствует и отмечается лишь в ПВЛ.⁷⁴

Таким образом, во всех трех рассматриваемых иконах XVI в., сюжеты которых в целом согласуются с изложением «Сказания» (о чем свидетельствуют многие композиции и соответствующие им надписи), в то же время имеются эпизоды, восходящие к иным литературным источникам. Выяснению причин этого явления может помочь одна из особенностей иконы Гос. Третьяковской галереи «Владимир, Борис и Глеб в житии». Еще Н. П. Лихачев, издавая лицевой список «Сказания» конца XV в. из собственного собрания, отметил необычайное сходство между изображениями смерти Владимира и боя Ярослава со Святополком в миниатюрах рукописи и клеймах указанной иконы.⁷⁵ К этим наблюдениям можно добавить также сходство изображений убийства Бориса в колеснице и могилы Глеба. Остальные же клейма иконы близки к миниатюрам лишь стилистически. Композиционно они несходны, и в иконе имеются сюжеты, отсутствующие в миниатюрах (например, раздача Святополком даров «кыянам», некоторые чудеса), что исключает копирование всей серии. Некоторые из отмеченных, близких к иконе миниатюр расходятся с текстом «Сказания», который они иллюстрируют. Так, показывая «потаение» тела Владимира, художник не изображает Святополка, что, как мы видели, говорит о следовании летописной версии. В сцене убийства Бориса в колеснице иконописец, в соответствии с летописным рассказом, изобразил фигуру одного убийцы — варяга; миниатюрист же добавил фигуру второго убийцы — отрока, резко отличающегося от воина-варяга, как бы желая приблизить композицию к версии «Сказания». Не говорят ли эти особенности об использовании иконописцем, и миниатюристом не только текстов «Сказания», но, при создании некоторых композиций, каких-либо древних икон или миниатюр в качестве образцов? Быть может, именно через такие образцы могли проникнуть в эти произведения версии, не сохранившиеся в тексте «Сказания».

Нужно отметить, что как икона XIV в., так и памятники XVI в. содержат такие сцены, где художник, пользуясь скухими намеками текстов, превращает иллюстрации к ним в живые жанровые эпизоды, воплощая в них реальные жизненные наблюдения. Так, например, раздача Святополком даров «кыянам» в иконе XIV в. передана как раздача дорогих одежд. В иконе же начала XVI в. «Владимир, Борис и Глеб в житии» изображено, как Святополк, окруженный воинами, рассыпает перед алчными киевлянами золотые монеты. Надпись «Святополк съзва киян по смерти отца своего и насыпа перед ними множество злата» не зависит от известных нам литературных произведений и, видимо, изобретена художником.

* *

В XVII в. изображения «деяний» Бориса и Глеба приобретают новый характер. В шестнадцати сценах иконы Гос. Третьяковской галереи начала XVII в.⁷⁶ представлены события, начиная с отправления Бориса против печенегов и кончая погребением Глеба вместе с Борисом в Вышгороде, в церкви Василия. Важнейшей чертой иконы является ее точное следование «Сказанию». Подробные надписи являются почти прямыми цитатами.

⁷⁴ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 94.

⁷⁵ Н. П. Лихачев. Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба... стр. 34—36.

⁷⁶ № 12867. Размер: 90,5 × 70,5 см. Происходит из бывшего собрания С. П. Рябушинского. Средняя часть иконы (фигуры Бориса и Глеба в рост) относится к XV в.

Например, текст «Сказания»: «Святопѣлк же, седя Кыеве по отци, призвав кыяны, одарив, отпусти. Посла же к Борису, глаголя: „брате, хочю с тобою любовь имети и к отню ти придамъ“. Лъстьно, а не истину глаголя».⁷⁷ Надпись в третьей сцене иконы: «Святополк же сяде в Кыеве на отчем престоле, призвав кыяны, одарив, отпусти. Послав, лесно глаголя Борису: „Брате, хошу любовь с тобою имети“».

Тщательно соблюдая изложение «Сказания», художник в то же время заимствует бытовые детали из близкой ему действительности XVII в. Так, непонятную уже в его время «гривну златую» у Георгия-угрина он изображает в виде драгоценного золотого оплечья и жемчужного ожерелья.⁷⁸ Воины представлены в привычных искусству этого времени фантастических золотых доспехах, а князя — в тяжелых узорчатых московских шубах. Архитектура явно навеяна образами русского зодчества.⁷⁹

Близкая по художественному облику к произведениям так называемой Строгановской школы,⁸⁰ икона уже лишена драматической напряженности, подсказываемой литературной основой и переданной в более ранних памятниках. Однако художник тонко понимает текст произведения и умело передает не только иллюстрируемые фразы, но и более глубокий смысл эпизодов. Так, изображая отправку Святополком послов к Глебу с ложной вестью, «яко отецъ уже бо при смерти есть», он показывает не только посла с грамотой, скрепленной красной печатью, но и убийцу, вынимающего меч из ножен; тем самым раскрываются предательские замыслы Святополка.⁸¹

* *
*

По иной литературной основе представлено житие Бориса и Глеба на двух боковых створках складня-триптиха, на утерянном среднике которого, видимо, находились фигуры Бориса и Глеба.⁸² Створки датируются на основании надписи на нижних полях: «Написано бысть сие деяние... в лето 7181 (1673) июля в 24 день на праздник святых праведных страсто-терпцев благоверных князей Бориса и Глеба в Лавру... верою многогрешного раба божия Бориса Козынина». Каждая створка разделена на десять сцен-клейм. Письмо иконы тонкое, миниатюрное, с тщательной разделкой лиц, одежды, пейзажа — горок, зданий. Как и в предыдущей иконе, наряду с фантастическими одеяниями художник изображает и русские костюмы. Борис и Глеб одеты в княжеские шубы, украшенные тончайшим золотым орнаментом. На золотых фонах клейм — сильно стертые киноварные надписи.

Икона отличается от всех ранее рассмотренных памятников уже сюжетами начальных клейм. В первом из них, вместо традиционного изображения отправления Бориса против печенегов, представлен сидящий на

⁷⁷ Д. И. Абрамович, стр. 31—32. Слова «одарив, отпусти» приведены по Уваровскому списку «Сказания» XV в.

⁷⁸ История русского искусства. Под ред. И. Грабаря, т. VI. М., [б. г.], рисунок на стр. 334.

⁷⁹ Там же, рисунок на стр. 335.

⁸⁰ Ю. А. Кожина. Одно из художественных течений в русской живописи XVI—XVII вв. — В кн.: Русское искусство XVII века. Л., 1929, стр. 81.

⁸¹ М. Alpatov, N. Brunov. Geschichte der altrussischen Kunst, Bd. II. Augsburg, [б. г.], Abb. 299.

⁸² Находятся в Гос. Русском музее (№№ 2032 и 2033). Размеры створок: 40,5 × 17,5 см. Происходят из коллекции Н. П. Лихачева. Воспроизведены в книге Н. П. Лихачева «Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба...» (табл. II). При воспроизведении створки ошибочно перепутаны местами.

престоле князь Владимир; перед ним — его двенадцать сыновей. В группе сыновей художник выделяет Бориса и Глеба, окружая их головы сияниями-нимбами. Во втором клейме — Борис и Глеб, одевающие подаянием склонившихся к их ногам нищих.

Именно так начинается житие Бориса и Глеба, помещенное в Степенной книге.⁸³ Упомянув, в соответствии со «Сказанием», о двенадцати сыновьях Владимира, Степенная книга описывает юношеские годы Бориса и Глеба и, заимствуя из «Чтения» Нестора, упоминает об их нищелюбии, говоря, что они «многу милостыню творяста нищим и убогим, и вдовицам, и сиротам».⁸⁴

В пользу зависимости художника именно от редакции Степенной книги говорит особое выделение Бориса и Глеба среди остальных сыновей Владимира, являющееся непосредственной иллюстрацией слов Степенной: «Бяжу же от сих двоюнадесятых сии стихии и две величии светиле, первии в Рустей земли великомученицы и чудотворьцы, самобратнии и приснопамятнии Рустии князи Борис и Глеб».⁸⁵

Следуя рассказу Степенной, где вестник лишь кратко сообщает Борису, «како преставися отец его Владимир... и како Святополк утаил смерть отца своего»,⁸⁶ художник не изображает характерного для более ранних икон эпизода похорон Владимира.

Нужно отметить, что, изображая в следующих сценах историю убийства Бориса и Глеба, художник добавляет к рассказу Степенной книги некоторые новые моменты. Степенная книга говорит, вслед за «Сказанием», лишь о получении Борисом раны в шатре и об убийстве его в колеснице. В иконе же изображен также эпизод из «Чтения»: выбежавшему из шатра Борису наносит рану «един от губитель». В этом чувствуется стремление художника подчеркнуть и увеличить то обогащение текста «Сказания» за счет эпизодов, заимствованных из «Чтения», которое присуще редакции «Сказания» в Степенной книге. Художник не заменяет одного эпизода другим, а совмещает при изложении события версии различных памятников.

Икона иллюстрирует текст подробно и обстоятельно. В начальных сценах, прежде чем обратиться к истории убийства Бориса, художник показывает Глеба, находившегося в это время, по упоминанию Степенной книги, в Муроме. Глеб сидит на престоле; перед ним — группа подданных. Наличие первых трех сцен, не имеющих непосредственного отношения к развитию действия, говорит о намерении наглядно иллюстрировать литературную основу. Во многих клеймах изображено несколько сцен или несколько моментов действия (эта черта в меньшей степени присутствовала в иконе начала XVII в.). Так, например, в пятом клейме, где показано получение Борисом вести о готовящемся убийстве, он изображен трижды: беседующим с вестниками (иллюстрация к словам Степенной книги: «И паки возвестиша ему, яко близъ грядут послании от Святополка убийцы...»⁸⁷), молящимся («Блаженный же, слышав сия, и на молитву подвижеся сердцем сокрушенным...»⁸⁸) и принимающим причастие (видимо, к словам молитвы Бориса: «...И сподоби мя, господи, прияти часть и жребий со всеми святыми твоими»⁸⁹).

⁸³ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, СПб., 1908, стр. 137—163.

⁸⁴ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 138.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 140.

⁸⁷ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 142.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

Погребение Бориса и Глеба, «проявление» и перенесение их мощей, чудесные исцеления от мощей изображены весьма кратко и условно, как и в предыдущих иконах.

Особое место в иконе занимают две последние сцены (рис. 2). В одной из них представлена ладья с белым парусом. В ладье — Борис и Глеб и группа гребцов с поникшими головами. Надпись: «...[Свя]тые к[нязья] Борис и Глеб... на помощь ко князю Але[кс]анд[ру] Н[евс]кому... [гре]бцы же яко мглою...» Сцена является прямой иллюстрацией эпизода жития Александра Невского. Изображено явление Бориса и Глеба «старейшине земли ижорской Пелгусию» в ночь накануне Невской битвы. Надпись свидетельствует о непосредственном знакомстве автора иконы с текстом жития (в житии говорится о гребцах, сидевших, «аки мглою одени»).⁹⁰

Во второй сцене изображены Борис и Глеб, скачущие во главе войска и обращающие в бегство конницу неприятеля. У вражеских воинов — восточные типы лиц. Здесь же, в облаках, также представлены Борис и Глеб. Надпись: «Святые... Борис и Глеб изо облак небесных исшед... ах... противных пол[ки]... князю Димитрию на Донском... и во Азове граде». Сцена совмещает два эпизода, изображая помощь Бориса и Глеба русскому войску на Куликовом поле и в Азове во время «осадного сидения». Помощь «небесного воинства» русскому войску на Куликовом поле описывается и в летописной повести «О Донском бою», и в «Слове о житии и представлении великого князя Димитрия Ивановича», и в «Сказании о Мамаевом побоище»: «Откры ему [бог] видение, в нощи той видев: на востоце облак изрядно идяще от востока, из него же изыдоша два юноши светлы, имуще в обоих руках мечи остры и ркуще полковником [татарским]: кто вам повеле требити отечество наше? Нам бо дарова Господь. И начаша их сечи».⁹¹ «Поэтическая повесть об азовском осадном сидении, некоторые образы которой связаны со «Сказанием о Мамаевом побоище», передает рассказ «языков», подробно описывающих «страшное видение»: «На небеси над нашими полки бусурманскими шла великая и страшная туча от Руси, от вашего царства Московского. И стала она против самого табору нашего, а перед нею, тучею, идут по воздуху два страшные юноши, а в руках своих держат мечи обнаженные, а грозятся на наши полки бусурманские... Тою нощию... страшные воеводы азовские во одежде ратной выходили на бой в приступы наши из Азова града, — пластали нас и в збруях наших надвое...»⁹²

Борис и Глеб издавна почитались как покровители воинства. Сюжеты, связанные с этим почитанием, отразились в некоторых иконах. Например, в трех новгородских иконах конца XV в. «Битва суздальцев с новгородцами» («Чудо от иконы Знамение») Борис и Глеб изображены во главе войска новгородцев. В знаменитой иконе середины XVI в. «Церковь воинствующая» они представлены вместе с московским войском. Сцены явления Бориса и Глеба «Пелгусию» встречаются в иконах, изображающих житие Александра Невского.⁹³ Однако в житийных иконах Бориса и Глеба подобные сюжеты не встречались. Кроме того, сцены, представленные

⁹⁰ В. Мансикка. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913, стр. 4.

⁹¹ Русский исторический сборник, т. III, ч. 1. М., 1838, стр. 48.

⁹² Воинские повести древней Руси. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР. М.—Л., 1949 (серия «Литературные памятники»), стр. 80.

⁹³ Например, в иконе начала XVII в., хранящейся в церкви Входа в Иерусалим Покровского собора (собора Василия Блаженного) в Москве. Традиционность этого изображения доказывается его наличием и в иконе начала XIX в. Гос. Русского музея.

ные в последнем клейме иконы 1673 г., являются единственным известным нам примером отражения указанных произведений в станковой живописи вообще.

Большой интерес представляет вопрос о том, в каких кругах возникла эта икона. В ней подчеркнуто повторяются тремя эпизодами изображения воинских «чудес». И изображения, и надписи, передающие соответствующие места литературных памятников, свидетельствуют о большой начитанности автора. Они раскрывают ту литературную традицию, на которой основан эпизод явления Бориса и Глеба в «Поэтической» повести об Азове. К сожалению, имя заказчика иконы Бориса Козынина не встречается в документах конца XVII в. Не связана ли икона по своему возникновению с теми кругами казачества, где создавалась и распространилась повесть об азовском сидении? Может быть, «лавра», куда была вложена икона, — это один из тех основанных казаками монастырей (Воронежский Борщевский или Шацкий Чернеев), куда многие из них постригались в старости.⁹⁴

⁹⁴ А. Н. Робинсон. Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков в 1642 г. — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 55—57.

Рис. 1. Борис и Глеб в житии. Икона XIV в. (Гос. Третьяковская галерея, № 08432 (28757), 134 × 89 см).

а

б

Рис 2 Явление Бориса и Глеба (а) Пелгусию (б) на Куликовом поле и под Азовом
Фрагменты складня 1673 г с изображением «деяний» Бориса и Глеба (Гос Русский
музей, № ДР/ж 2033 6 × 6 см)